

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И ПРИВЫЧКИ ИМЕНУЕМОГО В ЗЕРКАЛЕ СТАРОРУССКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Науковий вісник Ужгородського університету.

Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2013. – Випуск 2 (30)

Пілаш М.Й. Негативні риси характеру та звички особи в дзеркалі староруської антропонімії; 16 стор.; кількість бібліографічних джерел – 15; мова російська.

Анотація. У статті розглядаються антропоніми староруського періоду, мотивовані апеллятивами, семантика яких містить оцінювальний компонент, тобто дозволяє сприймати поведінку й особливості характеру людини як позитивні або негативні. Зокрема, аналізуються власні назви, основи яких віддзеркалюють не зовсім гарні, проте типові якості носіїв прізвиськ. Ідеться також про складнощі, котрі виникають у процесі етимологічної інтерпретації подібних антропонімів.

Ключові слова: антропонім, апеллятив, староруська антропонімія, оцінювальна власна назва, первинне і вторинне прізвисько, етимологічний пошук, реконструкція апеллятива, принцип ономастичної вірогідності, неоднозначні за походженням антропоніми.

Исконные собственные имена каждого народа – это своеобразный код для раскрытия богатейшей информации о культуре, привычках, верованиях и роде занятий наших предков. В этих антропонимах, как в зеркале, отражаются разные события и явления общественной жизни – быт, обычаи, обряды. Не в последнюю очередь в основах имен и прозвищ нашли отражение морально-этические отношения и взгляды, характерные для общества старорусского периода.

В связи с этим особый интерес представляет исследование антропонимов путем этимологического анализа: оно не только позволяет определить семантику антропооснов, но также способствует углубленному изучению непосредственно апеллятивной лексики как базы собственных имен, дает возможность реконструировать исчезнувшие из языка лексемы, носившие локальный характер, а также выявить этноспецифику определенного региона.

Широкие возможности для проведения ономастических исследований открывают письменные памятники XV–XVI вв., поскольку они отражают состояние старорусской антропонимии в один из самых важных периодов ее развития: именно в это время происходил исторический процесс становления и стабилизации русской антропонимической системы.

Одним из таких источников являются «Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг.» [1988] – документы, отражающие живые следы хозяйственного и социального народного быта русского Севера XV–XVI вв. Уникальность подобных частных актов русского Севера (купчих, раздельных, закладных, отступных и др., выписей из писцовых и окладных книг и под.) обусловлена тем, что они являются самыми древними документами, отражающими быт поморов.

Среди 770 прозвищных антропонимов, извлеченных из 428 грамот «Актов Соловецкого монастыря 1479–1571 гг.», часто встречаются собственные имена, образованные от исходных имен нарицательных, обладающих оценочным компонентом, который проецируется на антропонимы.

Это дает возможность утверждать, что в именах отражаются и положительные (храбрость, расторопность, сообразительность и др.), и отрицательные (лень, скупость, болтливость, глупость и под.) характеристики человека. Приходится признать, что последние признаки проявляются в старорусской антропонимии значительно чаще, нежели положительные.

Вместе с тем, список рассматриваемых собственных имен включает и антропонимы, значения основ которых не позволяют однозначно установить заключенные в них оценки. Имеем в виду антропонимы типа *Байгуз* ('говорун'), воспринимаемые и как положительные, и как отрицательные характеристики лица, а также прозвища типа *Лодыга*, мотивируемые апеллятивами с несколькими разными оценочными компонентами (*лодыга* – 'лодырь' либо 'лжец, обманщик') и, более того, нарицательными именами, вообще лишенными оценочного компонента (*лодыга* – 'костяные шишки в конце голени, над ступнею, с наружной и внутренней стороны').

Антропонимы наших предков стали своеобразным зеркалом типичных, в первую очередь отрицательных, черт русского человека, что не обязательно свидетельствует о превалировании подобных над положительными качествами. Просто в процессе номинации у каждого народа учитывается, в большинстве своем, негативный компонент характеристики – такова, видимо, логика образования прозвищных имен в любом языке.

Среди отрицательных качеств, наиболее часто мотивирующих выбор прозвищ у русских, фигурировали, в частности:

а) лень:

***Бадакь** < Алексей **Бадаков** [1556, 213, 131]: возможно, от *байдакь* – 'озорникъ, буйнь' [Даль, I, 38], ср. *байдаты* – 'бить баклуши... слоняться, шататься безъ дѣла' [Даль, I, 38], при условии дизрезы йота, что было характерно для территорий, подвергшихся финно-угорскому языковому влиянию, ср., например, село *Байчурово* – фамилия *Бачурин* [8, с.14]. Кроме того, прозвище **Бадакь** может восходить и к глаголу *байдачить* – 'бурлачить, идти на байдаки (рѣчные суда) или

барки въ работу' [Даль, I, 39]. Так, на Дону **бай-даками** называли бурлаков, которые приходили на помощь судовщикам на мелких местах и перекатах;

Бока – Бока Кирилов [1551, 174, 108]: видимо, отглагольное образование от **боковать** – 'лежать на боку, валяться, отдыхать, лѣниться' [Даль, I, 109]; появилось в результате усечения основы и использования синкретической морфемы **-а**. Менее вероятной представляется лексикализация апеллатива **бока** – 'боковое положеніе бабки, козны, которую мечуть конаясь' [Даль, I, 109], ср. **бабка** – 'игра' [Даль, I, 33];

***Валуи** < Павлик Федоров **Валуев(а)** [1556, 213, 130]: от диал. **валуй** – 'человѣкъ вялый, неповоротливый, лѣнивый, разиня, ротозѣй; валанда, валець, валюга' (курск., орл., сиб.) [Даль, I, 162], ср. соввр. **валуй** – 'неповоротливый человек, увалень', 'неопрятный человек, неряха', 'глупый человек, глупец' [СРНГ, 4, 30–31]. Возможна также связь с апеллативом **валуй** – 'грибъ... близкій сыроѣжкѣ' [Даль, I, 162];

Гуляй – Филип **Гуляй** Панфилов сын [1566, 216, 132]: от **гуляй** – 'празднѣй, шатунъ, лѣнтяй, гулящій; охочій до гостѣбы, пирушки, пооекъ; пьяница, мотишка' [Даль, I, 407]. Однако нельзя исключить версию, согласно которой антропоним **Гуляй** может восходить и к глаголу **гулить** – 'забавлять, тѣшитъ безсловеснаго младенца голосомъ; о самомъ младенцѣ, взывать въ удовольствіи или улыбатся' или 'нѣжить, ласкать, голубить; баловать' [Даль, I, 406], тем более что часто встречающийся в памятниках XV–XVII вв. антропоним **Гуляй**, как утверждает И.М.Ганжина, употреблялся, главным образом не как прозвище, а как личное имя, дававшееся при рождении [4, с.145];

***Корташь** < Перша Яковлев сын **Корташева** [1555, 206, 124]: допустимо объяснение антропонима через глагол **кортать** – 'фальшивить, кривить, дѣлать дѣло лѣново, для одного вида' [Даль, II, 94]. Нельзя исключить также и другое значение указанного глагола – 'произносить нѣкоторыя буквы невѣрно, неясно' (пск., твер.), Менее вероятна связь антропоосновы с глаголом **картать** 'бить (шерсть)' (карел.) [СРНГ, 13, 99]. В любом случае антропоним образован с помощью суф. **-ашь**, ср. **Гнѣваш**, **Лѣваш** и под.;

Лежень – Стефан да Василий Ивановы дети, **Лежень** да Химряк [1567, 305, 199]: это первичный антропоним от апеллатива **лежень** – 'лентяй, ленивецъ' [Даль, II, 245], ср. **лежень** – 'валун, большой камень в полѣ' (новг.) [Даль, II, 245]. В качестве исходных могли выступать и другие значения имени нарицательного **лежень**, в частности 'налимъ, мѣнь' (твер.) [Даль, II, 245];

Лодыга – Иван Семенов сын **Лодыга** [1556, 221, 136]: связано с апеллативом **лодыга** – 'лодырь' (перм.) [СРНГ, 17, 106]. Кроме того, возможно, исходное имя нарицательное обладало и иными зафиксированными в лексикографических источниках значениями – 'лжец, обманщик' (перм.) [СРНГ, 17, 106] либо 'костяные шишки в конце голени, над ступню, с наружной и внутренней стороны'

[Даль, II, 262];

***Облѣнко (Облѣнокъ)** < Anne Гавриловой жене **Обленковой** [1571, 367, 228]: дериват с суф. **-к(о)** или **-окъ** от ***Облѣнь** из **облѣнь** – 'лентяй; лентяйка' (арх., беломор.) [СРНГ, 22, 93], ср. **облѣняти** – 'быть ленивым, нерадивым' и **облѣника** – 'лень' [СРЯ, 12, 72];

Огурь – Иванку **Огуру** Максиму [1556, 213, 129]: прозрачна связь антропонима с прилагательным **огурный** – 'упрямый лѣнтяй, туняедъ, ослушникъ' [Даль, II, 649] или 'уклоняющийся от несения службы, выполнения какой-л. работы' [СРЯ, 12, 262], ср. диал. **огуряться** – 'отнѣкиваться, отдѣливаться, лынять, лытать, отлынивать, отыгрываться' (новг., твер., волог., влад., тамб., перм.) [Даль, II, 649]. В современных говорах зафиксировано также существительное **огурь** – 'непослушный, упрямый человек' (влад.) [СРНГ, 22, 364];

Трутьян – Иван **Трутьян** Онисимов сын [1563, 262, 172]: вероятно, родственно слову **трутень** – 'лѣнтяй, дармоѣдъ, туняедъ, бездѣльный шатунъ, прихлебатель, живущій безъ дѣла, либо на чужой счетъ' (пск.) [Даль, IV, 438], ср. **трутить** – 'жить трутнемъ или туняедомъ...' [Даль, IV, 438]. Правда, допустимо также объяснение от глагола **трутить** в других значениях, в частности 'натручать голову, натруждать, утомлять' или 'трутить рыбу, травить, изводитъ кокульванцемъ, для ловли, или мочкой льну' [Даль, IV, 426];

б) неповоротливость, медлительность, нерасторопность:

***Бовыка** – Емельян Микулин сын **Бовыка** [1569, 327, 210]: прозвище **Бова**, от которого, вероятно, образован антропоним **Бовыка**, отмечено в новгородских говорах [СРНГ, 3, 40], однако семантика его затемнена. Возможно, это собственное имя имеет отношение к апеллативу **бавуша** – 'мѣшкотный, вялый человекъ, мѣшокъ, разиня' [Даль, I, 35] (ср. **бавиться** – 'мѣшкать, волочить, забавляться' [Даль, I, 35]), если принять во внимание безударную позицию корневого гласного в условиях оканья и словообразовательную синонимию антропонимических формантов **-ык(а)** и **-уш(а)**. Антропоним имеет, по всей видимости, тот же корень, что и диалектное **бава**, которое могло иметь несколько значений: 'забава, игрушка', 'обилие, довольство, достаток', 'медлительный, мѣшкотный', ср. **бавить** – 'продолжать, продлевать, медлить, медленно что-нибудь делать'; **бавуша** – 'мѣшкотный, вялый человекъ, мѣшокъ, разиня' [Даль, I, 35];

Валовикъ – Ушак Родионов сын **Валовик** [1551, 170, 106]: вторичный антропоним с суф. **-икъ** от диал. **валовый** – 'медлительный в работе, непрворный, нерасторопный, ленивый (о человеке)' (перм., арх.) [СРНГ, 4, 29]. Возможна также связь с апеллативами **воловикъ, валовикъ** – 'воловь бабка, козна, костыга' (пск.) [Даль, I, 238], 'кость из надкостного сустава ноги быка или вола, употреблявшаяся для игры в козны' (новг.) [СРНГ, 4, 28] и **воловикъ** – 'раст. червеница, румянка... красный корень; дѣвки имъ румянятся' [Даль, I, 238]. Остальные значения апеллатива **воловикъ** ('воловій

погонщикъ, чумаць' (курск.) и 'аранникъ, сдѣланый изъ воловьего хвоста' (тамб.) [Даль, I, 238] в качестве исходных маловероятны, поскольку зафиксированы лишь в южновеликорусских говорах;

Ворона – Ворона Васильев [1561, 253, 166]: лексикализованный апеллатив *ворона* – 'нерасторопный, вялый человекъ, разиня, рохля, зѣвака' [Даль, I, 244];

Долгомуд – Степан Семенов сын Долгомуд [1545, 111, 70]: полагаем, что речь идет о композитном прозвище, возникшем в результате лексикализации наречия *долго* – 'продолжительно, много времени' [Даль, I, 460] и основы глагола *мудити* – 'медлить, мешкать, упускать время' [СРЯ, 9, 293], которым называли медлительного человека. Не исключена, впрочем, также мотивация через прилагательное *долгий* и существительное *мудо* – 'мошонка' [Фасмер, I, 669];

***Кила** < у Наума у **Килина** [1547, 127, 78]: вполне вероятно, что словом *кила* называли, как и в Сибири, плохого работника ('отсталой въ работѣ, въ косьбѣ, жнитѣ и пр.' [Даль, II, 108]), ср. диал. *килиться* – 'мѣшкать, медлить, возиться, будто кисловатый, слабый' (пск.) или 'кланяться, упрашивать, кучиться, жалобиться, плакаться, келиться' (арх.) [Даль, II, 108]. Нельзя в то же время не учитывать и возможную связь антропонима с нарицательным *кила* в любом из его значений: 'грыжа', 'холодная опухоль разного рода' или 'шишка на деревѣ, выплавъ' [Даль, II, 108], ср. современный диалектный апеллатив *кила* 'мужской половой член' (арх.) или 'мошонка' (костр., арх., вят., онеж.) [СРНГ, 13, 206];

Кошель – Кошель Кузмин сын [1520, 43, 35]: в основе имени лежит диал. *кошель* – 'о неповоротливом, неловком, нерасторопном человеке' (новг., перм., вят.) [СРНГ, 15, 146]. Сомнительна связь антропонима с другими значениями этого апеллатива: 'мягкая складная корзина, плетеный или вязаный кулекъ'; 'сѣтчатый мѣшокъ'; 'калита, сумка' [Даль, II, 181] или 'особая форма двускатной крыши (на русском Севере), в которой оба ската скошены под разным углом и имеют разную длину' [СРЯ, 7, 394];

***Неклюдь** – у Неклюда да у Осея у Трапезниковых [1544, 105, 67]: от *неклюжий* – 'неуклюжий, некрасивый, невзрачный' [Даль, II, 521], ср. совр. диал. *неклюж* – 'дурак, дурень' (ряз.) [СРНГ, 21, 59], Первоначально, видимо, имя-оберег;

***Рошута** < Григорью **Рошутину** [1561, 253, 166]: прослеживается связь с прилагательным *рохлый* – 'хилый, кволий, вялый, непрворный, неразвязный' (волог.) [Даль, IV, 105], ср. *рохля* – 'вялый, разиня, сонный, лѣнливый, тупой, неповоротливый, неряха' [Даль, IV, 105];

Ступа – Василий Ступа Андреев [1542, 89, 59]: от апеллатива *ступа* 'неуклюжий, тяжелый, неповоротливый человекъ...; лѣнтяй, увалень, тяжелый на подъемъ' [Даль, IV, 349], ср. *ступа* – 'самая тихая походка, едва переступая, шагъ за шагомъ, волоча ноги' или 'сосудъ, въ которомъ толкутъ, мельчатъ что, ударяя пестомъ' [Даль, IV, 349];

в) глупость:

Басарга – Басарга Федоров сын Леонтиева [1569, 333, 213]: от диал. *басарга* – 'глупый или несерьезный человек; пугливая овца' (нижегор.) либо, наоборот, 'проворный и ловкий человек' (влад., орл.) [СРНГ, 2, 128]. Однако не исключена и связь с апеллативом *басарга* – 'трава, непригодная на корм' (арх.) [7, с.143];

Булыга – Овдоким Булыга Максимов сын [1556, 219,134]: от *булыга* – 'болванъ, дубина, грубый неотесанный человекъ; невѣжа, неучъ' (олон.) [Даль, I, 141]. Мотивирующими могли стать и другие значения апеллатива, например 'пьяница, пропойца' (олон.) или 'человек, который любит прихвастнуть' (волог.) [СРНГ, 3, 272];

***Дудоръ** < Ивашко **Дудоровъ** [1569, 334, 213]: первичный антропоним от диал. *дудоръ, дудора* – 'дуракъ, дура' (пен., новг.) [Даль, I, 500];

***Дулепа** < Олексей Федоров сын Дулепина [1550, 151, 95]: возможно, прозвище образовано с помощью синкретической морфемы *-а* от диал. *дулебъ* 'безтолковый, невѣжа, простофиля, остолопъ' (кур., орл.) [Даль, I, 500]. В апеллативе могло графически закрепиться произношение глухого [п] на месте фонемы [б] в слабой позиции. Ср. *Дулеп* Яков [3, с.103], *Дулепов* Дружина [3, с.103]. У апеллатива зафиксированы также значения 'слѣпой, косой, разноглазый' (влад., ряз.) и 'человек с толстым, одутловатым и невыразительным лицом' (орл.) [СРНГ, 8, 253], которые, по существу, тоже допустимы как мотивирующие;

Тюльпа – Олексей Тюльпа Семенов сын [1518-1519, 34, 32]: от *тюльпа* – 'глуповатый, ротозей, разиня' (арх.) [Даль, IV, 451];

***Чуракъ** < Офонасей Васильев сын **Чюраков** [1557, 229, 140]: от *чуракъ, чурка* – 'обрубок дерева' (владим.) [Фасмер, IV, 387], в переносном смысле – 'глупый, неповоротливый человек'. Правда, собственное имя *Чурак* могло быть и дериватом с суфф. *-акъ* от христианского личного имени *Кирилль* либо неканонического антропонима *Чуръ*;

г) болтливость:

***Байгузь** < Тимофей Семенов сын **Байгузова** [1568, 315, 203]: возможно, от *бай* – 'говорунъ, разскащикъ, краснбай' [Даль, I, 39], ср. *байкать* – 'баякать, припѣвая укачивать, усыплять' [Даль, I, 39] и диал. *гузатъ* (волог.) – 'пятиться, не устаивать въ словѣ, либо робѣть, трусить, отказываться' или 'раздумывать, не рѣшаться, мѣшкать, медлить; дѣлатъ что мѣшкотно, вяло, нерасторопно' [Даль, I, 406]. Скорее всего, прозвище **Байгузь** первоначально было дано человеку много болтавшему и обещающему, но не выполнявшему своих обещаний. Ср. апеллатив *гуза* (волог.) – 'неустойчивый, попятный, нестойкий, не крѣпкий въ словѣ' [Даль, I, 406]. Компонент *-гуз* в некоторых антропонимах мог иметь и иное значение, как, например, в композитном антропониме ***Коплюгуз**, вторая основа которого, вероятно, мотивирована апеллативом *гузь* со значением 'задняя часть тела; ягодицы' [СРНГ, 7, 206];

***Бакъ** < Фома да Селиван Елисеевы дети **Бакова** [1557, 224, 138]: можем предположить, что

прозвище произведено от глагола *бакаць* (влад., костр., твер.) – ‘говорить, разговаривать, бесѣдовать’, ср. *бакуня*, *бака* – ‘баюнь, краснословъ, говорунъ; перен. кто обакуливаетъ; ловкій, увертливый на словахъ, егоза; шыра, елоза, прыра’ [Даль, I, 40], с помощью усечения – безаффиксным способом. Подобные образования нечасто, но все же встречаются в русской исторической антропонимии, ср. *Тряс* [3, с.324], *Объед* [3, с.119], *Зарадь* [1568, 319, 206] и под. В то же время на севере возможна и связь с апеллятивом *бакъ* – ‘деревянная круглая лоханочка, служащая нижнимъ чинамъ въ морѣ вмѣсто миски, чашки’ или ‘часть артели, которая ѣсть изъ одного бака’ [Даль, I, 41];

Бобоша – Никон Офремов сын **Бобоша** [1553, 187, 115]: от диал. *бобоша* – ‘человек, который много «бобочет», говорит без толку’ (перм.) [СРНГ, 3, 38], ср. *боботать* ‘невнятно говорить’ [СРНГ, 3, 37];

Бологань – **Бологан** Кукшинов [1527, 55, 41]: от *балоганить* – ‘беседовать, шумно разговаривать (при большом скоплении народа)’ (волог.) [СРНГ, 2, 69], ср. *балага* – ‘болтун, болтуня’ (влад., ряз., олон.) [СРНГ, 2, 68], *балагань* – ‘зрелищное сооружение на ярмарках, мелочная лавка’ [Фасмер, I, 112]. Антропоним мог появиться в результате усечения основы глагола либо представляет собой отпричастное образование с суффиксом *-ань* по образцу *Молчань* [3, с.202], *Несмѣань* [3, с.220] и под.;

***Ботай** – Иван Яковлев сын **Ботай** [1563, 261, 171]: вероятнее всего, связано с глаголом *ботать*, демонстрирующим в говорах ряд значений: ‘говорить ерунду, болтать, врать’ (перм., сев.-двин., иркут.), ‘говорить неразборчиво, непонятно’ (екатер.), ‘жадно, быстро есть что-либо’ (олон.) [СРНГ, 3, 132], ‘болтать, громохатъ, загонять рыбу в сети, звенеть’ [Фасмер, I, 200], ср. *ботъ* – ‘шест для ботания рыбы’, диал. ‘приспособление для пугания рыбы у рыбаков Чудского озера’ [Фасмер, I, 200]. Любое из этих значений могло стать мотивирующим при онимизации апеллятива. Антропоним образован с помощью форманта *-ай*, ср. собственные имена с аналогичной структурой *Касай* [2, с.190], *Петрай* [3, с.243] и под.;

***Варгуй** < Филип Родионов сын **Варгуева** [1571, 415, 250]: возможно, является девербативным образованием с суффиксом *-уй* от диал. *варгатъ* – ‘говорит лишнее’ (перм.), ‘сердито бормотать, выражая недовольство чем-либо; ворчатъ, ругаться’ (перм., урал.) [СРНГ, 4, 47], ср. *варгаиш* – ‘тот, кто непрерывно ругается, ворчит’ (урал.) [СРНГ, 4, 47], *варга* – ‘ротъ, уста, зѣвъ, пасть’ (перм.) [Даль, I, 165] и *варгасить* – ‘болтать вздоръ, наговаривать, сплетничать’ [Даль, I, 165]. У глагола *варгатъ* в современных говорах зафиксировано еще одно значение – ‘не подчиняться приказанию’ (перм., урал.) [СРНГ, 4, 47], однако оно в качестве мотивирующего, на наш взгляд, менее вероятно. Антропонимы с суффиксом *-уй* многочисленны в исследуемом памятнике, ср. *Лотуй* [1571, 373, 231], *Мижууй* [1566, 289, 190], *Сягууй* [1570,

343, 220], *Пируй* [1484–1502, 3, 17] и др.;

***Варгунь** < Филип **Варгунов** [1566, 289, 190], Семен Васильев сын **Варгунов** внук [1550, 157, 99]: девербатив с формантом *-унь* от диал. *варгатъ* – ‘говорит лишнее’ (перм.), ‘сердито бормотать, выражая недовольство чем-либо; ворчатъ, ругаться’ (перм., урал.) [СРНГ, 4, 47]. Трактовка прозвища **Варгунь** как первичного антропонима от апеллятива *варгун* – ‘сдобная пшеничная лепешка’ (ворон.) [СРНГ, 4, 47] представляется не вполне корректной: во-первых, апеллятив фиксируется лишь в ю.-в.-р. говорах, а во-вторых, в случае антропоформулы **Филип Варгунов** и **Филип Родионов сын Варгуев** (см. выше) речь идет, видимо, об одном и том же лице;

Верещага – **Верещага** Евсеев [1568, 321, 207]: от диал. *верещага*, подвергшегося онимизации, однако, полагаем, не представляется возможным точно определить, какое значение апеллятива стало мотивирующим при образовании прозвища: ‘рѣзкій болтунъ, говорунъ, таранта, трещетка; брюзга, воркотунъ, бранчивый, сварливый человекъ’ [Даль, I, 180], ‘плаксивый ребенок’ (вят., нижегор.) [СРНГ, 4, 144], ‘выпускная яичница, глазунья’ (перм., новг., олон.), ‘свинина съ приправой’ (смол.) [Даль, I, 180] или ‘птица, которая беспрестанно верещит’ (олон.) [Фасмер, I, 298];

***Гундоръ** < Иван Васильевич **Гундорв** [1564, 275, 182]: отглагольное прозвище с нулевым суффиксом от *гундорить* – ‘говорит, болтать, бесѣдовать, гугорить’ (твер.) [Даль, I, 408], ср. *гундора* – ‘болтунъ, говорунъ; тараторка’. Правда, словари фиксируют у этого существительного также значения ‘толстый, неуклюжий, тяжелый на подъем человекъ’ (новг., моск.) [Даль, I, 408] и ‘угрюмый, мрачный человек’ [ПскОС, 8, 89], оба из которых могли стать причиной появления прозвища у его первоносителя;

Лопотей – Федотей Леонтиев сын **Кропыш Лопотей** [1550, 161, 100]: вероятно, это девербативное образование с суфф. *-ей* от диал. *лопотать* ‘болтать бойко, рѣзко, немолчно, безтолково или невнятно’, ‘шумѣть, хлопать, плескаться, лотошить’ (новг., твер., вор.) [Даль, II, 267] либо вторичное прозвище на *-ей* от существительного *лопотъ* ‘верхняя одежда, особ. простая, рабочая’ (арх., вят., сиб.) [Даль, II, 267];

Ляпунъ – Никифор **Ляпун** Демидов сын [1551, 169, 106]: онимизированный апеллятив *ляпунъ* – ‘о пустомеле, болтуне’ (костр.) [СРНГ, 17, 281]. Но у исходного диалектного слова имеются и другие возможные мотивирующие значения, например ‘маральщикъ, пачкунъ, плохой живописецъ или плохой мастеръ’ (новг.) [Даль, II, 287], а также ‘об обманщике’ (волог.) [СРНГ, 17, 281]. Ср. значения глагола *ляпать*, с которым связано слово: ‘хлопать, бухать’; ‘кидать, бросать что вязкое, мокрое, мягкое’; ‘дѣлать грубо, аляповато, какъ ни попало’; ‘говорить что глупо, грубо, некстати’ [Даль, II, 287];

***Огородъ** < Григорей Федоров сын **Огородова** [1547, 125, 77]: от апеллятива *огородъ* – в совр.

говорах *‘враль, болтун, пустомеля’* (яросл.) [СРНГ, 22, 346], ср. *огораживать* – *‘болтать вздор, ерунду; городить’* (яросл.) [СРНГ, 22, 342]. Менее вероятно в качестве исходного нарицательное *огородь* – *‘ограда, оплот, заплот, городьба или тынь, заборь, загорода’*, ср. *огородчивый человекъ* – *‘охотникъ огораживаться’* [Даль, II, 647];

***Тарара** < Поздея Иванова сына **Тарарина** [1517, 31, 30]: от диал. *тарара* – *‘болтовня’*, ср. *тарарыка* – *‘болтун’* [Фасмер, IV, 22];

д) пьянство:

Булыга – Овдоким **Булыга** Максимов сын [1556, 219, 134]: от *булыга* – *‘пьяница, пропойца’* (олон.). И снова в который раз можем отметить множественность возможных интерпретаций происхождения прозвища, поскольку у указанного апеллиатива имеются и другие значения, среди которых *‘болваня, дубина, грубый неотесанный человекъ; невъжа, неучь’* (олон.) [Даль, I, 141] или *‘человек, который любит прихвастнуть’* (волог.) [СРНГ, 3, 272];

***Дуда** < Микита Васильев сын **Дуда** [1543, 97, 63]: от диал. *дуда* – *‘кто дудитъ, пьетъ много воды, квасу, браги’*, ср. *дудитъ* – *‘пить много, болѣе о нехмельном напитокѣ’* [Даль, I, 500], но допустима и связь с глаголом *дудитъ* – *‘играть на дудѣ, трубить во что’* [Даль, I, 500], ср. апеллиатив *дуда*, уменьш. *дудка* – *‘волынка’* [Фасмер, I, 550], *‘народное музыкальное орудіе у пастуховъ, ребятъ, нищихъ’* [Даль, I, 499]. В совр. говорах у существительного *дуда* фиксируются также значения *‘о человеке, который говорит густым басом’* (тул.) и *‘дурной человек’* (калуж.; смол.) [СРНГ, 8, 246];

***Дуло** – Иван Александров сын **Дулов** [1514, 21, 26]: вторичный антропоним с формантом **-о** от глагола *дулитъ* – *‘пить; пить много’* (вят., волог.) [СРНГ, 8, 254]. Также логично объяснение прозвища в связи с диалектным существительным *дуло* – *‘надувала, продувной парень, плуть’* [Даль, I, 500];

Кока – Яков Иванов Кологривова **Кока** [1569–1570, 339, 215]: может объясняться как девербатив с формантом **-а** от диал. *кокать, кокнуть* – *‘выпить водки’* [Даль, II, 134], ср. аналогично образованные прозвища **Бочена, Бухаря, Вотола** и др. Менее вероятны в качестве исходных значения *‘бить или разбить, хлопнуть, ударить’* [Даль, II, 134]. Зато не исключено субстантивное происхождение прозвища – от диал. *кока* в одном из его значений: *‘яйцо’*, *‘лакомство, гостинце’*, *‘красивая дѣтская рубашка’* или *‘божать, божатка, крестный отецъ, мать’* [Даль, II, 134], *‘фантастическое существо, которым пугают детей; бука’* (вят.), *‘калач’* (арх.), *‘подзатыльник; щелчок’* (олон., арх., яросл.) [СРНГ, 14, 86]. Следует также учитывать, что антропоним **Кока** может быть и уменьшительной формой христианского личного имени **Константин**;

***Кочюръ** < Василей Григорьев сын **Кочюрова** [1558–1559, 240, 147]: говорам известен апеллиатив *кочура* со значением *‘зуляка, кутила, выливоха’* (влад., моск.) [СРНГ, 15, 136]. Но это не единственная допустимая интерпретация антропонима: может быть, речь идет о девербативном прозвище с

нулевым суффиксом, образованном от диал. *кочуриться* – *‘жаться, морициться, корчить рожу’* или *‘съѣжась, умереть, окочуриться; стать кочкой, окоченѣть’* [Даль, II, 181], ср. совр. *кочура* – *‘о хилом, болезненном человеке’* (новг.) и, казалось бы, совершенно неожиданное значение *‘о человеке высокого роста, верзиле’* (твер.) [СРНГ, 15, 136];

***Кутий** < Офона **Кутиев** сын [1564, 271, 179]: вторичный антропоним с формантом **-ий** от *кутитъ* – *‘мотыжничать, пьянствовать, кружиться, жить очертя голову, отчаянно проказить, пить, буянить’* [Даль, II, 227];

***Локша** < Тимофей Васильев сын **Локшина** [1571, 365, 228]: девербатив с формантом **-а** от диал. *локишитъ* – *‘неумеренно пить’* (пск.) [СРНГ, 17, 115]. Кроме того, у данного глагола зафиксированы и другие интересные с точки зрения антропонимической деривации значения, среди которых, например, *‘сильно бить кого-либо, нанося частые удары, ударяя по чему попало’* (волог., костр., влад., перм. и др.) или *‘хватать, таскать, воровать’* (волог., перм.) [СРНГ, 17, 115]. При этом не следует исключать и иные объяснения: **Локша** – первичный антропоним от диал. *локша* – *‘латша’* [Фасмер, II, 515] либо гипокористика от греческого по происхождению христианского имени **Галактионъ**;

***Олута** < Максим Якимов сын **Олутина** [1534, 68, 47]: возможно, вторичный антропоним с суфф. **-ут(а)** от *оль* – *‘сикеръ, всякій хмельной напитокъ’*, *‘брага, пиво, медъ’* [Даль, II, 649] либо качественной вариант одного из христианских имен типа **Елевферий, Еллий** и под;

Пияло – Ларивон Левонтиев сын **Пияло** [1539, 77, 52]: логична связь с глаголом *пить*, ср. в курских говорах – *пююка, пююха* – *‘пьяница’* [Даль, III, 117]. В рязанских говорах известно *пιάть* – *‘злбиться, злиться на кого’* [Даль, III, 117], а на западе – *пιάть* *‘пѣть’* [Даль, III, 117].

Список отрицательных черт характера и, пожалуй, не самых хороших привычек, актуализированных в прозвищных антропоосновах старорусского языка, настолько широк, что приходится признать: наши предки, увы, были далеко не ангелами, а восприятие человека обществом зиждилось, скорее, на фиксации негативных качеств лица, а не добродетелей последнего. Подтверждением этому являются примеры собственных имен, первичная семантика которых связана и с такими привычками или чертами характера именуемых, как:

- лживость, лукавость, хитрость;
- надоедливость, плаксивость;
- суетливость, поспешность, вспыльчивость;
- строптивость, сварливость, брюзжание;
- буйство, разгульность;
- вспыльчивость, несдержанность, крикливость;
- драчливость, вздорность;
- жадность, скупость;
- угрюмость, нелюдимость;
- обжорство;
- чванливость;
- невнимательность, рассеянность;

- трусость, боязливость;
- хвастливость, бахвальство и т.д.

В собственных именах «Актів Соловецкого монастиря 1479–1571 гг.» представлены многочисленные доказательства каждой из этих особенностей человеческого характера и натуры. Например:

Звяга – Яков Дементиев сын **Звяга** [1561, 253, 166]: восходит к существительному **звяга** – ‘брюзга, бранчивый воркунь’, ‘сварливый человек’ или ‘доука; клянча, безотвязный проситель’, ‘плакса, визгливый ребенок’ [Даль, I, 674], ср. **звягатъ** – ‘брюзгать, браниться, ворчать’ или ‘лаять, издавать голос’ [Даль, I, 674];

Мухлак – Дмитрий Григорьев сын **Мухлак** [1564, 274, 181]: deverбатив с суфф. **-акъ** от диал. **мухлитъ, мухлять** – ‘хитрить, лукавить’, ‘вахлять, дѣлатъ как ни попало’ либо ‘ерошить, клочить, взбивать’ (твер.) [Даль, II, 363];

***Кисель** < Федотью Кондратьеву сыну **Киселеву** [1555, 206, 123]: **Киселем** могли назвать плаксивого, слезливого ребенка, ср. диал. **кисель** ‘плакса’ (пск., твер.) [СРНГ, 13, 227]. В то же время у нарицательного **кисель** фиксируется и другие потенциально продуктивные значения: ‘азнайка, кривляка, ломака’ (смол.) [СРНГ, 13, 227] или ‘человѣкъ хилый и вялый’ [Даль, II, 110] (ср. основное значение имени нарицательного – ‘мучнистый студень’). Кроме того, по мнению И.М.Ганжиной, не исключена также связь антропонима с глаголами **киселитъ** – ‘лстить, улещать’ или **кисельничать** ‘важничать, таять от лести’ [4, с.241];

***Торопъ** < Ивана **Торопова** [1547, 126, 78]: от **торопъ** – ‘торопливый человек, слишком скорый, спѣшилывый, суетливый, опрометчивый, скоростѣшный, который всегда торопитъ и -ся’ [Даль, IV, 420]. Известно также существительное **торопи** со значением ‘неповоротливый человек’ [Фасмер, IV, 85]. Кроме того, прозвище **Торопъ** могло появиться у ребенка, родившегося раньше срока;

Шкуль – Василий Омелянов сын **Шкуль** [1555-1556, 209, 126] – от **шкуль** ‘скряга, денежный скупецъ’ [Даль, IV, 638], ср. глагол **шкулитъ, шкелитъ** – ‘копить деньги скупю, тайкомъ’ (смол.) и **шкуль** – ‘кошель, гамза’ [Даль, IV, 638];

Грибанъ – Григорей **Грибан** [1542–1543, 92, 60]: от **грибанъ** – ‘угрюмый, вечно недовольный человек’ (арх.) [СРНГ, 7, 140], ср. **грибаниться** – ‘хныкать, плакать, капризничая’ [ПскОС, 8, 25]. Но возможно также происхождение от существительного **грибанъ** – ‘человек с толстыми губами’ (пск.) [СРНГ, 7, 140];

***Оглодь** < Михайло Иванов сын **Оглодова** [1571, 390, 238]: от **оглодь** – ‘обжора, ненасытъ; объѣдала’, ‘голодный, алчный, кто оглодался, съелъ все свое, ходитъ по чужимъ объѣдамъ’ [Даль, II, 571];

Бушуй – Тимофей Левонтъев сын **Бушуй** [1548, 138, 87]: от **бушуй** – ‘разгульный, неугомонный человек’ (нижегор.) [СРНГ, 3, 333], ср. **бушевать** – ‘шумѣть, неистовать, буянить, озорничать’ [Даль, I, 147];

***Бобыня** < Якуня Иванов сын **Бобынина**

[1532, 60, 44]: от диал. **бобыня** – ‘чванливый, самодовольный человек’ [Фасмер, I, 181];

***Дятель** < Федору **Дятлеву** [1564, 266, 175]: от нарицательного **дятел** – ‘прозвище ротозея, рязини’ (муром., влад.) [СРНГ, 8, 308];

***Горло** < Василий Антипьев сын **Горлова** [1571–1572, 426, 254]: по-видимому, это лексикализованный апеллатив **горло** – ‘крикливый, никому не уступающий, часто спорящий человек’ (арх., курск.) [СРНГ, 7, 40];

***Зацѣпа** < у Мартынка у Ондронова сына **Зацѣпина** [1527, 55, 41–42]: восходит к диал. **зацѣпа** – ‘задира, задора, привязчивый человек’ [Даль, I, 662], ‘забияка’ (пск., твер., казан.) [СРНГ, 11, 169];

***Каша** < Семен Григорьев сын **Кашина** [1543, 99, 64]: вероятно, от **каша** – ‘мятенъе, сумятица, суматоха, безпорядокъ, недоразумѣнія’ [Даль, II, 100]. Современным говорам известно существительное **каша** – ‘простак, протофиля; трус’ (волог.) [СРНГ, 13, 148];

***Оширя** < Васюк Михайлов сын **Оширина** [1565-1566, 286, 188]: deverбативный антропоним от **ошириться** – ‘азнасться’ (арх.) [СРНГ, 25, 88] или **оширять, оширитъ** – ‘уширить, расширить, сдѣлатъ шире’ [Даль, II, 778] т.д.

Иногда имена, в основе которых лежат апеллативы с отрицательным семантическим компонентом, по представлениям наших предков, выполняли функцию оберега. Однако этот факт ни в коем случае не означает, что образованные прозвища не давали истинной оценки носителям имени.

В любом случае классификацию антропонимов по конкретным тематическим группам с учетом семантики исходных лексем можно осуществлять лишь по принципу ономастической вероятности, что мы и делали. Тем не менее, в большинстве случаев очень трудно определить мотив номинации, так как многие из возможных интерпретаций онима достоверны и реальны. В связи с этим следует говорить о существовании большой группы (свыше 410 примеров) спорных по этимологии оценочных прозвищ, зафиксированных в анализируемых документах и имеющих полное основание быть отнесенными к разным группам с учетом семантики основ. Поэтому наша классификация зачастую похожа на тематический библиотечный каталог, в котором одна и та же карточка попадает в разные ящики-ячейки. В конечном итоге сложности этимологического поиска связаны с многозначностью апеллативной лексики, специфическим значением некоторых слов на исследуемой территории, недостаточной изученностью диалектной лексики и отсутствием ее в имеющихся словарях.

При реконструкции этимологии отдельно взятого онима мы можем столкнуться с несколькими уровнями достоверности. Например, отдельно взятая прозвищная основа может иметь в разных говорах различные значения. И в результате исследования мы, скорее всего, восстанавливаем не сам апеллатив, а какое-то из его значений. Особенно ярко этот тезис можно проиллюстрировать с помощью примеров антропонимов, которые могут быть

образованы разными способами. Следовательно, одно и то же прозвище имеет возможность интерпретироваться и как первичный (образованный лексико-семантическим способом), и как вторичный (в наших примерах – образованный от существительных или глаголов суффиксальным способом или путем усечения с последующей суффиксацией) антропоним. Неоднозначность этимологии собственного имени в таком случае обусловлена конкуренцией семантического и морфологического способов словообразования.

Например, прозвище ***Варгунь** – возможно, отглагольный антропоним с формантом **-унь** от диал. *варгать* – «говорить лишнее» (перм.), «сердито бормотать, выражая недовольство чем-либо; ворчать, ругаться» (перм., урал.) [СРНГ, 4, 47], ср. *варгаиш* – «тот, кто непрерывно ругается, ворчит (воргаеш)» [СРНГ, 4, 47], *варга* – «рот, горло, глоть, пасть» [СРНГ, 4, 46]. По мнению А.И. Илиади, апеллятивный материал дает возможность констатировать, что основа ***vьrga/*vьrgь** отражала идею выпуклости, изогнутости, неровности, в связи с чем вполне закономерны ее конкретные реализации типа «бугор», «шишка, волдырь, опухоль», «губа», «толстый человек» и пр. [5, с.64]. Таким образом, допустима трактовка прозвища **Варгунь** и как первичного антропонима, образованного от апеллятива *варгун* – «сдобная пшеничная лепешка» [СРНГ, 4, 47] или «бубенчик». Имя нарицательное *воргун* – «украшение на кожаном ремне на шее лошади» [АрхОС, 5, 86] – в качестве исходной лек-

семы для антропонима **Варгунь** вероятно в случае образования прозвища на акающей территории.

Примыкают к этимологически спорным антропонимам и такие ономастические единицы, которые фактически не вызывают сомнений в отношении исходного для них апеллятива. Двойственность этимологии антропонима возникает в этом случае в связи с тем, что исходный апеллятив имеет два и более значений. Использоваться в качестве базового при лексикализации или в процессе антропонимической деривации может любое из значений исходного апеллятива. Например, прозвище **Ботай**, вероятнее всего, связано с глаголом *ботать*, демонстрирующим в говорах ряд значений: «говорить ерунду, болтать, врать», «говорить неразборчиво, непонятно», «жадно, быстро есть что-либо» [СРНГ, 3, 132] или «болтать, громыхать, загонять рыбу в сети, звенеть» [Фасмер, I, 200].

В целом, лингвистический аспект изучения оценочных старорусских прозвищ, в том числе реконструированных по патронимам, свидетельствует об уникальной ценности этих антропонимов как важнейшего исторического источника при изучении русской лексики в диахронии и синхронии. Закрепившиеся в антропонимических основах апеллятивы в ряде случаев не представлены в исторических словарях, следовательно, можем говорить о введении в научный обиход целого ряда неизвестных современному русскому языку лексем, характерных для начального периода формирования класса русских фамилий.

Источники

Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Составитель И.З.Либерзон. – Л.: Наука, 1988. – 274 с. Все дальнейшие ссылки на это издание делаются в тексте с указанием года фиксации антропонима, номера грамоты и страницы.

Литература

1. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н.А.Баскаков. – М.: Наука, 1979. – 279 с.
2. Бірыла М.В. Белоруская антропнімія. – Т. 2. Прозвішчы, утвораны ад апелятыўнай лексікі / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
3. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, отчества, фамилии / С.Б.Веселовский. – М.: Наука, 1974. – 382 с.
4. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий / И.М.Ганжина. – М.: Астрель, 2001. – 672 с.
5. Іліаді О.І. Гніздо кореня *vьrg-/vьrg- у праслов'янській мові / Іліаді О.І. // Мовознавство. – 2000. – № 4-5. – С. 60-65.
6. Никонов В.А. География фамилий / В.А.Никонов. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
7. Никонов В.А. Северные фамилии / В.А.Никонов // Этимология. 1978. – М., 1980. – С. 134–158.
8. Федорова М.В. Славяне, мордва и анты (к вопросу о языковых связях) / М.В.Федорова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1976. – 85 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАУЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. АрхОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. – М., 1982–2004. – Вып. 1–12.
2. Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И.Даль. – М.: Госиздательство иностранных и национальных словарей, 1955. – Т. 1–4.
3. ПскОС – Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. коллегия: Б.А.Ларин, А.С. Герд, С.М.Глускина и др. – Л.; СПб.: 1967–1996. – Вып. 1–12.
4. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. – Л.: Наука, 1966 – 2010. – Вып. 1–43.
5. СРЯ – Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28.
6. Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. / М.Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1–4.

**УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ
ЯЗЫКОВ, НАРЕЧИЙ И ДИАЛЕКТОВ**

арх.	– архангельский	новг.	– новгородский
беломор.	– беломорский	олон.	– олонецкий
влад.	– владимирский	онеж.	– онежский
волог.	– вологодский	орл.	– орловский
вор.	– воронежский	пенз.	– пензенский
вят.	– вятский	перм.	– пермский
др.-русс.	– древнерусский	пск.	– псковский
екат.	– екатеринбургский	сев.	– северный
иркут.	– иркутский	сев.-двин.	– северодвинский
казан.	– казанский	сиб.	– сибирский
калуж.	– калужский	смол.	– смоленский
карел.	– карельский	тамб.	– тамбовский
костр.	– костромской	твер.	– тверской
курс.	– курский	урал.	– уральский
моск.	– московский	тюркск.	– тюркский
муром.	– муромский	яросл.	– ярославский
нижегор.	– нижегородский		

Марина Пилаш

**ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И ПРИВЫЧКИ ИМЕНУЕМОГО В ЗЕРКАЛЕ
СТАРОРУССКОЙ АНТРОПОНИМИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются антропонимы старорусского периода, мотивированные апеллятивами, семантика которых содержит оценочный компонент, то есть позволяет воспринимать поведение и особенности характера человека как положительные или отрицательные. В частности, анализируются собственные имена, основы которых отражают не совсем хорошие, зато типичные качества носителей прозвищ. Речь идет также о сложностях, возникающих в процессе этимологической интерпретации подобных антропонимов.

Ключевые слова: антропоним, апеллятив, старорусская антропонимия, оценочное имя собственное, первичное и вторичное прозвище, этимологический поиск, реконструкция апеллятива, принцип ономастической вероятности, спорные по происхождению антропонимы.

Maryna Pilash

NEGATIVE TRAITS AND HABITS REFLECTED IN OLD RUSSIAN ANTHROPONOMY

Summary. The article analyses the anthroponyms of Old Russian period derived from appellatives, the semantics of which provides an evaluation component allowing you to perceive the behavior and characteristics of a person's tempter as positive or negative. In particular, we analyze their own names, the foundations of which reflect not good but typical nicknames. The article also deals with the complexities that arise in the course of the etymological interpretation of such anthroponyms.

Key words: anthroponym, anthroponyms of questionable origin, appellative, appraisive given name, etymological search, Old Russian anthroponomy, primary and secondary nickname, principle of onomastic probability, reconstruction of appellative.

*Стаття надійшла до редакції
25 квітня 2013 року*

Пилаш Марина Йосипівна – старший викладач кафедри російської мови УжНУ.